

Меч Свободных Странствий со свистом влетел в покои. Дверь сорвалась с петель, и вслед за оружием в комнату ворвался Чжоу Буфань, иступленно выкрикивая имя Е Чжэнчжэн.

Забежав во внутренние покои, он застыл — от увиденного перед глазами все поплыло.

Е Чжэнчжэн лежала на полу совершенно нагая, прижатая весом Лу Цинюаня. Вид их обнаженных тел лишил Чжоу Буфаня остатков самообладания, и его взгляд мгновенно налился багровой яростью.

Обезумев от гнева, он бросился вперед и наотмашь пнул Лу Цинюаня, отшвыривая его в сторону. Перехватив Меч Свободных Странствий, Чжоу Буфань с яростным замахом обрушил клинок на соперника. Юноша в последний момент успел откатиться; лезвие со звоном вонзилось в каменные плиты, высекая сноп искр.

Подоспевшая следом Лэн Шанлань быстро сбросила с плеч верхнее одеяние, накинула его на дрожащую Е Чжэнчжэн и помогла ей подняться.

— Паршивец! Что ты натворил?! Клянусь, если я сегодня не снесу тебе башку, я отрекусь от собственного имени!

Чжоу Буфань крепче сжал рукоять и двинулся на него. Свою возлюбленную, с которой он едва ли не пылинки сдувал, которую берег пуще глаза своего, этот выродок посмел осквернить! И только разорвав мерзавца на куски, он мог унять kloкочущую в груди злобу.

Лу Цинюань, полураздетый, в разорванных одеждах, в ужасе пополз прочь, пытаясь увернуться от свирепых ударов. Он бился спиной о стены, его лицо уже покрылось ссадинами и кровоподтеками.

— Нет! Второй старший соученик, послушайте меня! Я не хотел, правда! Это вышло случайно!

«Случайно?!»

От этих слов ярость Чжоу Буфаня вспыхнула с новой силой. Вид испуганной, невинной овечки, которую сейчас разыгрывал этот ублюдок, бесил его больше всего. Именно этой притворной кротостью он когда-то околдовал Старшего соученика, заставив того нянчиться с ним и защищать при каждом удобном случае. Хуже того, даже Чжэнчжэн словно лишилась разума — все глаза ему проглядела, видела только своего ненаглядного Лу Цинюаня, а искренней заботы самого Буфаня и замечать не желала.

— Ты осквернил честь Чжэнчжэн, а теперь лепечешь, что не хотел?! Да ты, я вижу, жить устал!

Замахнувшись, он снова направил клинок прямо в голову юноши.

Лу Цинюань забился в угол. Холодный отблеск пролетевшего вплотную клинка рассек ему губу. Кровь брызнула на подбородок. Хотя рана почти мгновенно затянулась благодаря его скрытой демонической природе, вспышка боли от этого стала лишь острее и невыносимее.

Отступать было некуда. Прижавшись спиной к холодной стене, Лу Цинюань сквозь пелену слез умоляюще смотрел на взбешенного соученика.

— Умоляю, послушайте... Я не хотел вредить старшей сестре! Мое тело... оно просто не слушалось меня! Клянусь, это правда, поверьте мне!

— Еще бы оно слушалось, раз ты похотливая тварь! Пасть раскроешь — язык вырву!

Чжоу Буфань наступал, на его висках вздулись жгуты вен.

Лу Цинюань испуганно умолк, беззвучно глотая слезы. Этот сиротский, невинный вид, смазливое личико, да еще и проклятая демоническая кровь в жилах — Чжоу Буфаня тошнило от одного его присутствия. С каждым мгновением гнев kloкотал в нем все сильнее. И как только Старший соученик и Чжэнчжэн умудрялись души не чаять в этом ничтожестве?

Вид плачущего Лу Цинюаня окончательно лишил Буфаня рассудка. От ярости у него едва не лопалась голова. Швырнув меч в сторону, он ринулся на юношу, мертвой хваткой вцепился в его ворот и со всей силы нанес сокрушительный удар кулаком прямо в живот.

Удар вышиб из Лу Цинюаня дух, показалось, что все его внутренности превратились в кровавое месиво. К горлу подкатила удушливая тошнота, и его вырвало желчью вперемешку с кровью. Жгучая боль заставила его зажмуриться, лишая возможности даже вздохнуть.

Повалив соперника на пол, Чжоу Буфань принялся остервенело избивать его по лицу. Он бил методично, стремясь превратить эту точеную красоту в бесформенное месиво. Пусть Чжэнчжэн посмотрит на него теперь! Разве не смазливая рожица была его единственным достоинством? Без нее этот ублюдок — никто.

Схватив Лу Цинюаня за волосы, он принялся с размаху колотить его головой о каменные плиты. Затылок юноши мгновенно превратился в кровавую кашу, ошметки плоти и брызги крови разлетелись по полу.

Лицо Лу Цинюаня залило багровой юшкой, черты исказились до неузнаваемости. Кровь хлестала из разбитого носа, лопнувших губ и рассеченных бровей. Каждый удар отдавался в черепе так, словно по нему били кузнечным молотом. Разум заволокло мутной пеленой, а боль сделалась непереносимой.

— Второй старший соученик... не надо... умоляю... я виноват...

Он вслепую потянулся дрожащей рукой к обидчику, пытаясь ухватиться хоть за что-то, но залитые кровью глаза ничего не видели. Корчась в агонии, несчастный мог лишь жалобно скулить и молить о пощаде. Ему было нестерпимо, дико больно. Он ведь не хотел... Клянусь, он не хотел обижать старшую сестру!

Но Чжоу Буфань давно ослеп от ярости. Ненависть к Лу Цинюаню копилась в нем годами, и теперь плотину прорвало. Этот выродок заслуживал только смерти, и прикончить его означало избавить мир от скверны.

От бешеной рубки кулаками у Буфани заныли предплечья, а содранные костяшки покрылись собственной кровью. И все же ураган, бушевавший в его груди, не утих. Оставить мерзавца в живых после такого казалось ему невыносимым.

Сделав короткую передышку, он тяжело огляделся, поднялся на ноги и с силой выдернул из плит Меч Свободных Странствий.

— Сегодня ты сдохнешь, тварь!

Занеся сверкающий клинок над головой лежащего, он приготовился нанести смертельный удар.

Глядя на опускающееся лезвие, Лу Цинюань замер, онемев от ужаса. Лицо его побелело, а тело отказалось повиноваться. В самый последний миг, когда смерть была уже в волоске от его шеи, вперед метнулась Е Чжэнчжэн. Вцепившись в занесенную руку Буфани, она закричала:

— Старший соученик, остановись! Ты же убьешь его!

Чжоу Буфань опустил взгляд на рыдающую девушку. Она едва прикрывала наготу чужим платьем, вся дрожала, но все равно умоляла пощадить этого выродка! Неужели она настолько слепа? Неужели не видит, как сильно он, Буфань, любит ее, и какая гнилая душа скрывается за смазливой маской Лу Цинюаня?

— Он посягнул на самое святое, осквернил тебя, а ты защищаешь его?!

Чжоу Буфань смотрел на нее с глубокой, горькой обидой.

Чжэнчжэн не ответила. Переведя полный боли взгляд на скорчившегося на полу юношу, она опустилась перед ним на колени, попыталась приподнять и дрожащими пальцами принялась стирать кровь с его лица. В ее глазах не было злости — лишь бесконечная жалость и нежность.

— Цинюань не виноват, — выдохнула она сквозь слезы. — Его разумом завладел Цветочный демон... Он был сам не свой.

Лу Цинюань содрогался мелкой дрожью, его бледное лицо осунулось, а в затуманенном взоре читался животный страх.

— Все позади, Цинюань, — ласково прошептала Чжэнчжэн, бережно утирая кровь. — Тебя больше никто не тронет. Второй старший соученик все поймет. Идем... мы возвращаемся домой.

Но когда Чжэнчжэн попыталась поставить избитого юношу на ноги, Чжоу Буфань, глядя на их трогательную близость, окончательно потерял рассудок от ревности. Внутри него полыхнуло такое бешеное пламя, что казалось, оно вот-вот сожжет его дотла.

С диким рыком он рванулся вперед, вырвал Лу Цинюаня из рук девушки и швырнул его прочь. Юноша кубарем покатился по полу. Чжоу Буфань взмахнул Мечом Свободных Странствий — холодная сталь со свистом рассекла воздух. Смертоносная дуга клинка устремилась прямо к плечу поверженного врага.

— Нет! — истошно закричала Чжэнчжэн, видя, как лезвие врубается в плоть. Она бросилась наперерез, но было слишком поздно.

Меч Свободных Странствий блеснул ослепительной дугой. Свист стали, глухой удар — и отсеченная правая рука Лу Цинюаня отлетела в сторону. Горячая кровь брызнула фонтаном, мгновенно залив пол, его одежду и лицо багровой пеленой.

Секунду царило гробовое молчание. Затем пришла боль. Обладая телом истинного демона, Лу Цинюань был бессмертен, однако платой за эту живучесть были муки, превосходящие человеческие в тысячи раз. Юноша зашелся в истошном, нечеловеческом крике. Он скрючился, левой рукой зажимая кровотокающий обрубок плеча, пока крупные капли холодного пота катились по его бледному лбу.

Это было страшнее любых пыток, страшнее ударов плети, тяжелых палок или калечащих лезвий, через которые он прошел за свою жизнь. Эта боль превосходила все прежние страдания вместе взятые. Ведь он ничего не сделал! За что? Почему весь мир ополчился на него?

Душераздирающие вопли эхом метались под сводами Тайной обители. Лу Цинюань катался по каменным плитам, пачкая волосы, разорванные одежды и все вокруг собственной кровью. На нем не осталось ни одного чистого лоскута.

Чжэнчжэн рванулась к нему, но Чжоу Буфань мертвой хваткой вцепился в ее запястье.

— Уходим! — рявкнул он. — А этот выродок пусть сдыхает здесь в собственной грязи!

С этими словами он силой увлек за собой плачущую девушку, призвал меч и взмыл в воздух,

покидая чертоги Палаты Сокровищ.

Лэн Шанлань все это время безмолвно стояла в тени. Она прекрасно знала, как Чжоу Буфань и остальные ученики измывались над младшим соучеником. Сама она никогда не опускалась до открытой жестокости, но и не мешала другим, а порой молчаливо одобряла их злодеяния.

Ею не двигали личные обиды или ревность, как Чжоу Буфанем. И она не завидовала выдающемуся таланту Лу Цинюаня, в отличие от прочих адептов. Но она презирала его. Ее ненависть была сродни той, что питал к нему Достопочтенный учитель Сюаньцю.

Он был демоном. А она ненавидела демоническую породу всей душой. Память о былых зверствах кровожадных тварей из Царства демонов до сих пор жгла ее сердце изнутри. В тот день, когда она переступила порог Школы Таинственной Лазури, она поклялась посвятить жизнь одной цели — истреблению нечисти.

Пока в ее руках покоился Меч Истребления Демонов, пощады отребью не будет.

Как бы жалобно ни выл Лу Цинюань, умирая у ее ног, Лэн Шанлань лишь равнодушно прижимала к груди Меч Истребления Демонов. Не проронив ни слова, она развернулась и последовала за улетевшим соучеником.

В опустевшей Палате Сокровищ воцарилось кладбищенское безмолвие. Смолкли чарующие звуки лютни, утих звонкий девичий смех. Лишь Лу Цинюань лежал посреди залы, тщетно пытаясь зажать кровоточащий обрубок руки. Невыносимая боль сковала его члены, не позволяя даже пошевелиться, и он просто медленно угасал в луже собственной крови.

Мука была невыразимой — терзающая, рвущая на части вспышка, пронзившая его от макушки до пят. Из глаз непрерывным потоком катились слезы, а тело сотрясали свирепые судороги.

Ему казалось, будто невидимый паразит выпивает последние соки из его вен, но одновременно с этим в покалеченном плече заворочалась иная, темная сила. Она яростно вгрызалась в плоть изнутри, стремясь вырваться наружу.

Сквозь плотно сжатые зубы прорывался хриплый, утробный вой. В нос бил удушливый запах собственной крови. Желудок спазматически сжимался, вызывая мучительные позывы к рвоте, от которых, казалось, вот-вот вывернутся наизнанку все внутренности.

Было невыносимо, тошнотворно плохо.

Внезапно повеяло могильным холодом, и очертания Палаты Сокровищ начали таять, увлекая за собой и весь окружающий пейзаж. Из ниоткуда поползла густая белесая мгла, скрывая все вокруг и погружая юношу в бескрайнюю пустоту.

Ослепший от страданий и горькой обиды, Лу Цинюань даже не заметил перемен. Зажимая искалеченное плечо, он полз вперед по невидимой поверхности, оставляя за собой широкий багровый след.

«Почему... почему мне никто не верит? За что?!»

Его лицо исказила гримаса муки, веки судорожно сомкнулись, а с висков и рассеченных надбровных дуг непрерывно катились капли пота вперемешку с сукровицей.

«Я ведь ничего не сделал... Я не виноват! Почему вы все отвернулись?»

Но его немые вопросы тонули в тумане. С самого первого дня, как он ступил на Пик Безмолвной Пустоты и примкнул к адептам Школы Таинственной Лазури, Чжоу Буфань и прочие превратили его жизнь в ад.

Раньше он все терпел. Побои, издевательства, несправедливые наказания Буфаня — все это он кротко сносил, почитая за испытания духа и строго соблюдая почтение к старшему соученику. Как бы гнусно ни вели себя остальные, он помнил о священных узах братства и платил им вежливостью, стараясь никому не переходить дорогу. Но почему... почему сегодня никто даже не пожелал выслушать его оправданий?

Он был чист перед ними. Его оболгали. Но разве в этом мире найдется хоть одна живая душа, готовая поверить ему? Хоть кто-то, кто заслонит его от ударов и разделит с ним эту ношу?

«Никто не верит... Все меня ненавидят...»

Он едва перебирал конечностями, когда в обрубок правого плеча вдруг хлынул мощный поток энергии — горячий, жидкий, словно расплавленный металл. Жар мгновенно перерос в неистовое покалывание. Сила прорвала натянутую кожу и хрящи, устремляясь наружу подобно молодому бамбуковому побегу, пробивающему весеннюю почву.

— Больно!..

Лу Цинюань закричал, зажмурившись до цветных пятен перед глазами, и принялся здоровой левой рукой иступленно колотить по пульсирующему плечу.

— Хватит! Не надо! Пожалуйста, прекрати!

Но первородная демоническая сущность не подчинялась его воле. Вспышка слепящего сияния озарила туман, и живительное тепло разлилось по меридианам тела. Из рваной раны, стремительно оплетаясь новыми волокнами мышц и сухожилий, начала формироваться новая рука.

«Старший соученик... где ты? Почему тебя нет рядом?... Я сейчас умру... мне не выдержать...»

Разум юноши балансировал на грани беспамятства. Он знал: еще мгновение этой пытки — и его сердце остановится. Но даже у самого порога бездны, когда весь мир отвернулся и проклял его, в памяти теплился единственный образ. Человек, ставший его единственным спасением и тихой гаванью. Лишь он один.

Обессиленный, Лу Цинюань лежал в грязи, ловя ртом разреженный воздух. Губы его беззвучно шевелились, повторяя одно и то же имя: «Старший соученик...» Если ему суждено испустить дух в этой туманной глуши, он желал лишь одного — перед смертью хотя бы мельком увидеть кроткую улыбку Шэнь Мэнчжуана. Тогда, быть может, уходить будет совсем не больно.

Сознание медленно угасало. Боль отступила, сменившись спасительным онемением. Тело стало чужим и тяжелым. Лу Цинюань чувствовал лишь безграничную, свинцовую усталость. Ему хотелось только одного — закрыть глаза и уснуть.

«Если я усну... все ведь закончится? Мне больше не будет так тяжело...»

Веки юноши медленно сомкнулись. Но в тот же миг тишину разорвал резкий порыв ветра, принесший с собой странный, дурманящий аромат.

Закружились бледно-розовые лепестки увядающего абрикоса, мягко опускаясь на его израненные плечи.

Позади распластанного тела бесшумно соткался чей-то силуэт. Сверху вниз на поверженного юношу скользнул насмешливый, пренебрежительный взгляд.

— И надо же... до сих пор жив?

<http://bllate.org/book/20579/2131286>